

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 677–694, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.554

Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка

Самона Николаевна Курилова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677013 Якутск, Российской Федерации)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

0000-0002-0300-3771. E-mail: samonakur[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Курилова С. Н., 2025

Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies

Samona N. Kurilova¹

Ammosov North-Eastern Federal University, Arctic Linguistic Ecology Laboratory (42, Kulakovsky St., 677013 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

Аннотация. Цель настоящего исследования — анализ лексики, обозначающей возрастные и гендерные категории в тундровых и лесных юкагирских идиомах, с точки зрения ее происхождения и семантического развития. Основное внимание в работе уделяется выявлению гетерогенности лексического состава, включая как исконные элементы, так и заимствования из чукотско-камчатских, уральских и русского языков. *Методологическую основу* составляют комплексный подход, объединяющий сравнительно-исторический анализ, семантическую реконструкцию и учет межъязыковых контактов. Исследование базируется на гипотезах о возможных связях юкагирского с уральскими, чукотско-камчатскими и другими языками. **Результаты.** Автор установил, что ранее не этимологизированная лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ в идиоме тундровых юкагиров имеет надежные параллели в чукотско-камчатских языках, что указывает на ее заимствованный характер. Особый интерес представляет этимологическое разграничение корней *пэл* ~ *пул*, где юкагирская лексема *пэлдуудиэ* ~ *пулундиэ* ‘старик’ возводится к прачукотскому *pelqet- ‘стариться’, тогда как *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’ рассматривается как рефлекс прауральского *pälä ‘половина, сторона’. Важным аспектом исследования является анализ семантических сдвигов, в результате которых лексемы, обозначающие возрастные категории (*апаналаа*, *пэлдуудиэ*), приобрели социальные значения (‘жена’, ‘муж’). Это явление системно отражает связь между возрастом и социальной ролью в традиционном юкагирском обществе. На основании проведенного анализа фокусная лексика стратифицируется на три группы: вероятные юкагиро-уральские соответствия (*пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, *куойпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина’); поздние заимствования из камчукоцких (*апаналаа* ‘старуха; жена’, *пэлдуудиэ* ‘старик; муж’) и русского языков (*тэрикэ*

‘старуха; жена’); изолированные лексемы, реконструируемые внутри юкагирского (*лүгэ-* ~ *лигэ-* ‘быть старым’, *наайпэ* ‘женщина’, *мирийэ* ~ *мидосъо* ‘кочевой караван; жена’). Результаты исследования вносят вклад в понимание языковых контактов и этнокультурной истории юкагиров, а также уточняют механизмы семантических изменений в условиях межъязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: юкагирский язык, уральские языки, чукотско-камчатские языки, эскимосский язык, лексика, лексические параллели, этимология, заимствования, семантика, верификация

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке в рамках проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (соглашение № 25-78-30006 от 22.05.2025).

Для цитирования: Курилова С.Н. Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 3. С. 677–694. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

Abstract. *Goals.* The study attempts an insight into the lexicon denoting age and gender categories in Tundra and Forest Yukaghir idioms, focusing on their etymological origins and semantic development. Special attention is given to the heterogeneity of lexical composition, encompassing both native elements and borrowings from Chukchi-Kamchatkan, Uralic, and Russian languages. *Methods.* The methodological framework combines tools of comparative historical analysis, semantic reconstruction, and language contact research. The work is grounded on hypotheses suggesting potential connections between Yukaghir and Uralic, Chukchi-Kamchatkan and other languages. *Results.* The paper establishes that the previously unetymologized Tundra Yukaghir *апанаалаа* ‘old woman; wife’ (from an idiom) displays reliable parallels in Chukchi-Kamchatkan languages indicating its borrowed status. Of particular interest is the etymological distinction between the roots *нэл* ~ *нул*: the Yukaghir *нэлдудиэ* ~ *пулундиэ* ‘old man’ is traced back to the Chukchi-Kamchatkan **pelqet*- ‘to grow old (of objects)’, while *нэлур* ~ *пулут* ‘suitor; husband; old man’ is considered a reflex of the Uralic **pälä* ‘half; side’. A key aspect of the study is the analysis of semantic shifts whereby lexemes denoting age categories (*апанаалаа*, *нэлдудиэ*) acquired social meanings (‘wife’, ‘husband’). This phenomenon systematically mirrors the connection between age and social roles in traditional Yukaghir society. Based on the analysis, the target lexicon is stratified into three groups: probable Yukaghir-Uralic correspondences (*нэлур* ~ *пулут* ‘suitor; husband; old man’, *куойнэ* ~ *куойнэ* ‘man’); late borrowings from Chukchi-Kamchatkan (*апанаалаа* ‘old woman; wife’, *нэлдудиэ* ‘old man; husband’) and Russian (*мэрикэ* ‘old woman; wife’); isolated lexemes reconstructed within Yukaghir (*лүгэ-* ~ *лигэ-* ‘to be old’, *наайпэ* ‘woman’, *мирийэ* ~ *мидосъо* ‘caravan; wife’). The findings contribute to the further understanding of language contacts and ethnocultural history of the Yukaghir, clarify mechanisms of semantic change in situations of cross-linguistic interaction.

Keywords: Yukaghir, Uralic, Chukchi-Kamchatkan, Eskimo, lexicon, lexical parallels, etymology, loanwords, semantics, verification.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project name ‘Languages and Cultures of Russia’s North and Arctic: Comprehensive Socio-Humanitarian Studies (Big Data Analyses)’ (Agreement no. 25-78-30006 of 22 May 2025)

For citation: Kurilova S. N. Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 677–694. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

1. Введение

Многовековое сосуществование коренных народов северо-востока Евразии — чукчей, коряков, эскимосов, ительменов, юкагиров, эвенов и др. — на сравнительно небольшой территории привело к естествен-

ному взаимовлиянию их культур. В связи с тем, что до Октябрьской революции эти народы относились к бесписьменным, язык выступает единственным свидетельством их исторического прошлого. Одними из древнейших мигрантов и наследников данного

региона принято считать юкагиров, которые сегодня сохранились в виде двух локально проживающих групп — тундровые (вадулы) на Нижней Колыме и лесные (одулы) на Верхней Колыме (а также в Магаданской области и на Чукотке), из общей численности которых лишь 5 % являются носителями языка. Проблема происхождения юкагиров сложилась в отдельное направление в науке — «юкагирская проблема», для решения которой привлекаются данные из лингвистики, антропологии, этнографии, археологии, генетики. По археологическим данным, наиболее известна концепция, согласно которой предки юкагиров относятся к древнейшему этническому пласту на северо-востоке Сибири, а дальнейшее их продвижение на северо-восток (не позднее V тыс. до н. э.) и формирование как этноса на территории Якутии (II — середина I тыс. до н. э.) сводят с различными археологическими культурами (прибайкальский и палеосибирский субстрат) [Чернецов 1964: 11; Чернецов 1971: 114; Симченко 1975: 155; Симченко 1976: 31, 39, 46, 279; Кирьяк 1993: 126; Мочанов, Федосеева 1980: 11; Шадрин 2008: 201; и др.]. Таким образом происходило сложение этнического субстрата ымяяхтакской культуры с вафельной и рубчатой керамикой (с преобладанием уральского субстрата). При этом северная группа этой культуры с таймырским субстратом оказала влияние на формирование древнеберингоморской культуры и культур Нортон и Ипиутак на Аляске. К середине I тыс. до н. э. — концу I тыс. н. э. участием южного прибайкальского субстрата завершается оформление древних юкагиров и их этнических черт. Древние юкагиры расселяются по всему северо-востоку Сибири, но оказываются вытесненными пришлыми тунгусскими племенами из Южной и Западной Якутии на восток (1-я половина I тыс. н. э. — концу I тыс. н. э.), а позднее часть юкагирских племен Центральной Якутии ассимилируется тюркскими племенами с юга (начало II тыс. н. э.), и здесь закладывается основа якутского этноса (середина II тыс. н. э.). На крайнем северо-востоке юкагиры также приняли участие в ассимиляционных процессах, приведших к формированию коряков (конец I тыс. н. э.).

Таким образом, юкагиры повлияли на этногенез эвенов, коряков, якутов и русских старожилов [Немировский 2017; Гребенюк, Федорченко 2018; Акимова и др. 2021].

Такие представления об этногенезе юкагиров находят подтверждение в этнографических и генетических исследованиях. Связь ымяяхтакской культуры с праюкагирами в этнографической науке подтверждается исследованиями на основе сопоставления похоронной обрядности, фольклорных материалов, одежды, символики, типов хозяйствования [Этногенез народов Севера 1980: 144, 226]. В то время как генетики связывают юкагиров, с одной стороны, с коряками и палеоэскимосами на основании сходства варианта Y-хромосомы Q1a*-MEN2, вероятно маркирующего один из древних генетических компонентов, связанных с палеоэскимосами, но не ясно, каким путем оказавшийся среди юкагиров [Malyarchuk et al. 2011: 585], с другой — с нганасанами и эвенами на основании высокого содержания гаплогрупп Q и C3* Y-хромосомы, характерных популяции Америки и древнего населения Сибири эпохи верхнего палеолита [Fedorova et al. 2013: 127; см. также Перцев 2024: 58].

С позиции лингвистики исследователи предлагают генетически связывать юкагиров, с одной стороны, с уральскими, с другой — северо-восточными палеоазиатскими языками. В рамках уральской гипотезы сложились три подхода — обнаруживаемые лексические совпадения указывают на (1) происхождение уральских и юкагирского языков от общего родового языка-предка (распад около рубежа н. э.) [Крейнович 1982: 3–5; Николаева 1988: 3–21; Напольских 1999: 431; Напольских 2018: 121], (2) результат языковых контактов носителей [Крейнович 1982: 3; Rédei 1988: 354; Häkkinen 2012: 93; Aikio 2014: 7], и (3) переходную форму юкагирского от уральских к алтайским языкам [Collinder 1965: 140–153]. Согласно охотской гипотезе, языки юкагиров, чукчей, коряков и нивхов образуют отдельную гипотетическую семью (распад около 5 тыс. лет назад), родственную алгонкинской в Северной Америке, что подтверждается генетическими исследова-

ниями [Мудрак 2000; Байтасов 2014]. Поиск соответствий и заимствований в юкагирском из других языков [Крейнович 1958; Курялов 2003; Бурыкин 2003; Курилова 2014; Курилова 2022; Paasonen 1907; Tailleur 1959; Fortescue 1998; Piisanen 2018; и др.], попытки реконструкции праюкагирского языка [Nikolaeva 2006] и древнейших этапов истории и культуры юкагиров [Иохельсон 1900; Иохельсон 2005; Гурвич 1966; Кирьяк 1993; Эверстов 2008; Эверстов 2017; Гоголев 2004; Напольских 1991; Жукова 1996; Жукова 2003; Немировский 2017; и др.] — актуальное и перспективное направление для решения проблем этнической истории народов Сибири. Данная работа является существенным вкладом в решение «юкагирской проблемы», в которой впервые подробно анализируется и пересматривается статус некоторых лексических единиц базового словаря юкагирского языка с привлечением материала чукотского, корякского, алюторского, а также эскимосского языков.

2. Материалы и методы

В работе применяется комплексная методологическая база, включающая сравнительно-исторический метод, направленный на анализ реконструкций праформ в юкагирском и других палеоазиатских языках, предложенных в трудах других исследователей, сопоставительный анализ для выявления параллелей в родственных и контактировавших языках, а также компонентный анализ для определения семантических сдвигов. Используются этимологический анализ (включая методы внутренней реконструкции) и лексико-семантический анализ для выявления закономерностей развития значений. Привлекаются данные диалектологии и ареальной лингвистики, позволяющие проследить заимствования и субстратные влияния. Для интерпретации антропоцентрических номинаций применяется когнитивно-дискурсивный подход, учитывающий культурно-исторический контекст. Материал анализируется с опорой на корпусные методы (сбор и систематизацию лексических данных из опубликованных источников) и морфемный анализ для выявления словаобразовательных моделей.

3. Результаты

В идиоме тундровых юкагиров лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ располагает типичным набором морфологических показателей для класса существительных. Данная лексическая единица входит в лексический фонд, тогда как в идиоме лесных юкагиров используется заимствование из русского языка с соответствующими ассимилятивными признаками:

— тю. *ápanalaá* ‘жена, старуха’ [Иохельсон 1900: 451; Иохельсон 2005: 168, 476, 488]; *apanalaa* ‘старуха, жена’; TD *apanala*: (< **apanəla*: ~ **apanalaa*) [Nikolaeva 2006: 111; ЭБДЮЯ 2002]; *a·panalā* ‘жена; старуха’ > *apanalāne-* ‘выходить замуж; жениться’ [Angere 1957: 23]; *апаналāн*, *апаналаа* ‘старуха’ [Крейнович 1958: 253, 271; Крейнович 1982: 10]; *апаналаа* ‘старуха; жена’ > *апаналаанъэ-* ‘иметь жену’ [ЮРС 2001: 51]; *apanalā* ‘старуха; жена’ [Maslova 2001: 92];

— лю. *тарика, терика* ‘старуха’ [Старчевский 1889: 435]; *тэрикэ* ‘старуха, жена (первая)’ (рус.) > *тэрикэн* ‘быть женатым’, *йукуол тэрикэ* ‘вторая жена’ [Иохельсон 2005: 168, 465, 476, 488]; *terike* (рус. старуха) ‘старик, старуха, жена’ > *terikeduoile-* ‘выйти замуж’, *terikeń-* ‘жениться’, *terikejo-* ‘быть старой, пожилой женщиной’, *terikešni-* ‘состоящий в браке’ [Angere 1957: 235–236]; *terikэ* ‘жена; старуха’ < *terikəd-* ‘выйти замуж’, KD *terike* > *teriked-* ‘выйти замуж’, RS *terika, terikadéni, terike, MC saryka, В tarika* (< рус. старуха) [Nikolaeva 2006: 417]; *тэрикэ* ‘жена’ [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 14]; *terike* ‘старуха; жена’ (рус.) > *terikedeijl* ‘женился’ [Спиридовон 2003: 27]; *тэрикэ* ‘жена; старуха’ > *тэрикэди* ‘жениться’ [СИОРРЮ 2002: 70, 120]; *terike* ‘old woman; wife’ [Maslova 2003: 555]; *тэрикэ* ‘старуха; жена’ > *тэрикэнъ-* ‘быть женатым’, *тэрикэт-* ‘жениться’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 290] (ср. фин. *tarikka* ‘старик’, таймыр. *тарик* ‘старик’ (по: [Михайлова 2018: 48])).

Фонологическая сторона слова *апаналаа*, исконный статус которой еще не пересматривался в работах со сравнительно-сопоставительным материалом по юкагирскому языку, характеризуется нетипичными для юкагирского языка признаками, заключающимися главным образом в многослож-

ности, из которой нет возможности вычленить и дать объяснение значимой основе / основам или морфеме / морфемам. Однако обращение к материалам других палеоазиатских языков дает следующие параллели в камчатотских языках:

- чук. ынпыңэв [ЧРС 2003: 6], ынпын 'эв 'старуха' [ЧРС 1957: 148];
- кор. ынпыңэв 'старуха' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];
- алют. ынпыңав 'старуха' [НРСАД 2019: 127].

Все эти обозначения пожилого человека женского пола восходят к корню ынпын, представляющему собой относительно продуктивную морфему и образующему слова для обозначения пожилого человека мужского пола, соответствующие вокативы, а также именные слова и словосочетания:

- чук. ынпыңачын p 'старик'; ынпычыны adj 'старший' > ынпычычакыгээм 'старшая сестра', ынпычъэкык 'старший сын'; ынпылын adj 'старый'; ынпыгыргын p 'возраст'; ынпэвыйк v 'постареть' [ЧРС 2003: 6; ЧРС 1957: 148];
- кор. ынпыңлавол, ынпыклавол 'старик'; ынпын вок. 'старик'; ынпыч'ын 'старший'; нынпыңин, нынпывыччыңин 'старческий'; ынпылг'ын 'взрослый'; ынпыч'ын 'старшина, старший'; ынпыянво 'старики, взрослое население'; ынпыгыйын 'возраст, старость'; ынпэвыйк 'стареть', ынпавыйк 'стареться' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];
- алют. ынпыңлавул 'старик', ынпын вок. 'старик'; ынпыллыгын 'дедушка'; ынпысъын 'старший'; ынпаккальэ 'старики', ынпавыйк 'стареть' [НРСАД 2019: 127].

Вышеприведенные композиты со значением 'старуха' и 'старик' в корякском и алюторском состоят из двух компонентов, где главные компоненты представлены корневыми морфемами, восходящими к ПЧК *јев-эт 'женский', *јев-(эт) > *јевә-сقет 'женщина', *јевhe-n 'женский; жена' (ср. чук. юэвыскуэт, кор. յавычын, алют. юавысун 'женщина') и ПЧК *qъlav-ъ 'муж; вождь' (ср. чук. к'лявый 'мужчина', кор. յлавол 'муж', алют. յлавул 'муж') [Мудрак 2000: 101–102, 118, 251; Скорик 1961: 341]. В чукотском в структуре производного существительного ынпыңачын 'старик'

вычленяется суффиксальная морфема -нычын ~ -нъычын, обозначающая носителя признака, выраженного корнем ынпы. Очевидно, чукотское ынпыначын имело план выражения, аналогичный сохранившимся в сложных словах корякского и алюторского, но подвергшийся модификациям по причине упрощения морфологической структуры или развития иной деривационной стратегии (суффиксация) с последующей фонетической редукцией составных элементов (интервокальных согласных). Также сравнительный анализ позволил выделить оппозиции в чукотском ы 'вэжуч 'муж' vs үлявыйл 'мужчина' и в корякском / алюторском г'оля/г'уля 'мужчина' vs үлавол / үлавул 'муж' [ЧРС 1957: 149; РЧС 2020: 148, 269; РКС 1967: 230; КРС 1960: 28; НРСАД 2019: 34–35]. Подобное распределение отражает процесс семантической специализации родственных слов и соответственно развитие отдельных систем терминов родства, где чук. ы 'вэжуч либо является лексической инновацией (не имеющей когнатов в других камчатотских языках), либо заимствованием, отражая пережитки взаимных юкагиро-чукотских брачных практик увода и пеереезда невесты в дом жениха (ср. тю. йашул 'след; дорога; путь; стезя'). Также камчатотские корни, маркирующие пол, образуют термины со значением 'супруг/а': чук. н'эвъэн ~ ўэвъэн, кор. ңэвьткэт, алют. юавг'ан ~ юавъан 'жена'; кор. үлавол ~ үлавул 'муж', алют. үлавул 'муж', за исключением чукотского, где к'лявый устарело в значении 'муж', но сохранило сему 'мужская особь' (ср. к'лей (обращение к мужчине), үлявыйлен 'мужний; мужеподобный', к'льиттын 'кобель, самец', к'легпээчвак 'годовалый олень-самец', к'легрыйкы 'морж (самец)' и др.) [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 269]. Соответственно глагольные дериваты также восходят к гендерным корням: чук. юавтыңык 'жениться', к'ликэттык 'выходить замуж', ыуавтыңатык 'женить' [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 149], кор. ңав'тыңык 'жениться, быть женатым', үлавола экмиттык 'выйти замуж', ыыңав'тыңатык 'женить' [КРС 1960: 81, 145; РКС 1967: 72, 120], алют. юавтыңык 'жениться', үликаттык 'выйти замуж', юавтыңатык 'женить' [НРСАД 2019: 35].

В противоположность вышеприведенным словообразовательным механизмам в юкагирском корни *па: / *raj ~ *rai ‘женщина, женская особь’ (тю. паайпэ ~ пайпэ, лю. паай ~ паайпэ) и *kōj ~ *ke^wi-ј ‘мужчина, мужская особь’ (тю. кэйпэ, лю. куоийпэ ~ куоийпэ) участвуют в образовании производных форм и словосочетаний, маркирующих возрастную категорию молодых или половую принадлежность [Nikolaeva 2006: 215, 340; ЭБДЮЯ 2002], например:

– тю. *pai* ‘девушка; женщина’ [Иохельсон 2005: 463, 476]; *rajreŋ* ‘девочка’ > *rajrajo-* ‘быть женщиной’, *raipeŋoltaŋ* ‘девушка, женщина’ [Angere 1957: 204]; *paip*, *paipn̩* ‘женщина’ < *nād’ēduo* ‘девочка’, *nād’ējəwliđ’ēk* ‘олений теленок-самка’ [Крейнович 1958: 276]; *paaiпэ* ~ *пайпэ* ‘женщина; женская особь’ > *паадъэдуо* ‘ребенок женского пола; дочь; девочка; девушка; незамужняя молодая женщина’, *паадъэйэшлидъэ* ‘телка (олененок женского пола)’, *паадъэлаамэ* ‘суга, самка собаки’, *паадъэчурђа* ‘двуходовая самка’ [IOPC 2001: 360]; *rajre* ‘женщина’ [Maslova 2001: 104]; лю. *pai* ‘девушка; женщина’ < *nābaa* ‘старшая сестра’ [Иохельсон 2005: 462–463, 476]; *raipaŋin eriziboi* ‘друг женщины’, *raipaŋo-* ‘быть женщиной’ [Angere 1957: 204]; *raj* ‘молодая женщина’ (мн. *rajra*) > *raba* ‘старшая сестра’ [Спиридовон 2003: 24]; *паай* ~ *паайпэ* ‘женщина’ > *паай көнмэ* ‘подруга’, *паайпэ yo* ~ *паайпэдуо* ‘девочка’, *паайпэн* ‘женский’, *паайбэнну-* ~ *паайбунну-* ‘хвастаться (о женщине)’ [СЮОРРЮ 2002: 59, 115, 120; ЮРСЯЛЮ 2021: 232–233]; *pajl*, *rajre* ‘женщина’ > *pābā* ‘старшая сестра’, *rajpādie* ‘маленькая женщина; девочка’, *rajped emd’e* ‘младшая сестра’, *rajped iø* ‘девочка’ [Maslova 2003: 551–552]; тю.-лю. *rai-* ‘молодая женщина (замужняя или незамужняя)’ [Angere 1957: 122];

– тю. *кэи* ‘мальчик, молодой человек’ [Иохельсон 2005: 456]; *кэйпа* ‘мужчина’ [Старчевский 1889: 432]; *kon (= koi)* ‘парень, молодой мужчина’ [Angere 1957: 122]; *кэјп*, *кэјпэн* ‘мужчина, юноша’ > *кōd’ēduo* ‘мальчик’, *кōd’elām* ‘самец собаки, кобель’ [Крейнович 1958: 273]; *кэйпэ* ‘мужчина; мужская особь’ > *куодъидуо* ‘мальчик’, *куодъэдилэ* ‘стадо, где держат одних самцов’ [IOPC 2001: 177]; *kejre*

‘мужчина, парень’ [Maslova 2001: 96]; лю. *kioj* ‘молодой человек, парень’ [Спиридовон 2003: 18]; *куоийпэ* ~ *куоийпэ* ‘мужчина; мужская особь’ > *куоийпэдуо* ‘мальчик’ [СЮОРРЮ 2002: 35, 138; ЮРСЯЛЮ 2021: 136], *куоий* ‘парень’ [СЮОРРЮ 2002: 35, 151]; *kōj* ‘мальчик’ [Maslova 2003: 548].

Отношение к этим корням в юкагирском у исследователей сводится к точке зрения о связи с ПУ *koj(e) ‘человек, мужчина’ [Nikolaeva 2006: 216; Aikio 2014: 19; см. Rédei 1988: 168] через самодийские языки (сельк. *коуја* ‘младший брат’, *raja* ‘старая женщина’) [Крейнович 1958: 236]. А. Аикио считает, что прасамодийский *ko(ə), ранее предположительно имевший форму в до-прасамодийском *koj(e)-, однако не засвидетельствованный в самодийских языках, сохранился в ПС *korā ‘самец оленя’, который затем и был заимствован юкагирским в виде *qoroj ‘двуухлетний самец оленя’ (где гласный *ō объясняется палатализующим влиянием последующего *j) [Aikio 2014: 52, 70]. Имела место попытка реконструкции гипотетического праурало-сибирского *koj(ra) ‘животное мужского пола’ на основании со-поставления финно-угорского *којга* ‘животное мужского пола’, ПС *kora* ‘самец дикого оленя’, ПЧ *qora* ‘домашний олень’ и юк. *kōj* ‘человек’, а также сближение ПЧК *qōrā > ПЧ *qora-ja ‘домашний олень’, ПЭ *qurjī- ‘домашний олень’ (эск. *куйник* ‘олень; стадо оленей’) и ПЮ *qorəj, *qorrə ‘двуухлетний самец оленя; левый олень в упряжке’ [Fortescue 1998: 146, 154; Мудрак 2000: 264; Мудрак 2011: 693; ЭРС 1971: 277]. В этом случае логичным представляется сведение ПЮ *qoroj ~ *qorəj, *qorrə ‘двуухлетний самец оленя’ (лю. *хорой*), *qos ‘левый олень в упряжке’ (лю. *хос*) и *quñe ‘двуухлетний самец оленя’ (тю. *хунъэ*), соотносимые с ПЧК *qorə- ‘олень домашний’: ПЧ *qora-ja, камч. *qož (чук. *қораңы*, кор. *쿄나*, алт. *қураңа*, ител. *զօս*) (см. [Nikolaeva 2006: 388, 390; Мудрак 2011: 693; IOPC 2001: 524; СЮОРРЮ 2002: 77; ЮРСЯЛЮ 2021: 326; РЧС 2020: 344; РКС 1967: 305; КРС 1960: 62; НРСАД 2017: 137; СИРРИ 1989: 43, 179]).

В свете рассмотрения ЧК *ынны* обратим внимание на параллели в языке сибирских эскимосов: эск. *апালъю|к[-гыт]* ‘дряхлый

дед; дряхлая бабушка'; *anáñčigу*|н[-тыт] 'неродной дедушка; неродная бабушка'; *anáñčха|к[-т]* ласк. 'дедушка; бабушка'; *anáñčлю|к[-т]* 'прадед';ср. *aná[т]* 'дед, дедушка, бабушка' (< *ара) [ЭРС 1971: 90, 91; Мудрак 2011: 138]. Эскимосские соответствующие лексемы с *aná[т]* 'дед, девушка, бабушка (вокативы, используемые детьми)' восходят к пракорню *ара (< *ärrä ~ *ара) 'дедушка, отец', что соответствует прачукотско-камчатскому (прасибирскому) *ärrä- 'дедушка, старший родственник' (чук. *'еррë 'дедушка, старший родственник'), которое в свою очередь связывается с ПУ *арре ~ *ирри 'отец супруга' и далее с гипотетическим праурало-сибирским *ap(p) a ~ *ip(r)p 'дед' [Мудрак 2000: 30; Мудрак 2011: 138; Fortescue 1998: 144, 152]. По мнению М. Фортескью, данный термин родства и значительная часть других обнаруживают общность среди сибирских народов, в том числе юкагиров и эвенов [Fortescue 1998: 164–165]. В этой связи имеется параллель с юкагирской реконструкцией *ере: / *ерее, рефлексами которой сегодня выступают тю. эпиэ 'бабушка (старшая единоутробная, двоюродная или троюродная сестра отца)' и лю. эпиэ ~ эпо 'бабушка; медведица (иноказательно)' [ЮРС 2001: 604; Спиридовон 2003: 13; ЮРСЯЛЮ 2021: 406; Nikolaeva 2006: 162; ЭБДЮЯ 2002]. Расхождение же в плане содержания (гендерность) может объясняться независимым характером параллельного развития корней в языках или возможным субстратным влиянием.

В юкагирском понятия 'старик' и 'старый' передаются совершенно иными корнями, качественно разнящимися с *ананалаа*. Так, лексема, обозначающая 'старик', имеет в своей структуре корень *пэл* ~ *пол*:

— тю. *pelur* + 'жених'; TD *pelur-keine*, *pelur* > *polurde-*, *polurdiece-* 'to get married (of a woman)' (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; пэлудиэ 'старичок'; пэлут 'старик, муж' [Иохельсон 2005: 464]; *peldudie* 'старик'; *pelut* 'старик; муж'; *pelur* (= *polut*) 'муж' > *pelurné-* 'быть женатым' [Angere 1957: 207]; пэлур 'муж'; пэлудиэ 'старик' [Крейнович 1958: 277; Крейнович 1982: 11]; пэлудиэ 'старик; муж' > пэлудиэнэ- 'иметь мужа', пэлудиэчи- 'гоняться за мужчинами, же-

ляя'; пэлур 'жених; муж' [ЮРС 2001: 410]; *peldudie* 'старик; муж' [Maslova 2001: 104];

— лю. *полундэ*, *полуд*, *пал-* 'старец' [Старчевский 1889: 435]; *полундиэ* 'старичок'; *полут* 'старик, муж; старейшина' > *полуттэ-* 'выходить замуж, жениться' [Иохельсон 2005: 173, 463, 488]; *polundie* 'старичок'; *polut* (= *polud*) 'муж; старик' > *polutne-* (= *poludné-*) 'быть женатым; выходить замуж (о женщине)', *polutte-* (< ? *poludné-*) 'выходить замуж (о женщине)' [Angere 1957: 207, 211–212]; К *polut* 'old man, husband; bear' > *pulunde*: 'old man'; KD *polut*; RS *polud-*; MO *-pullun* [rect. *-pullut*], *-pullup*; В *pallad*, *polud* (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; *полут* 'старик'; *полундиэ* 'старичок' [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 11]; *polut* 'муж, старик, мужчина' [Спиридовон 2003: 26]; *пулундиэ* 'старичок'; *пулут* 'старик; муж' > *пулуттэ-* 'быть замужней, быть замужем', *пулуттэ-* 'выйти замуж; выдать замуж' [ЮРСЯЛЮ 2021: 64, 125, 175, 256].

С морфоструктурной точки зрения тю. пэлудиэ и лю. пулундиэ ~ полундиэ представляют собой лексикализованный диминутив, где -диэ деривационный аффикс, передающий в юкагирском языке субъектно-оценочные признаки малого размера или ослабленного признака основы, выраженной существительным, которым для тундрового юкагирского является *пэлут* и для лесного — *полут* ~ *пулут* (в тундровом варианте метатеза *ут* > *ду* с озвончением конечного слога корневой морфемы). Таким образом, имеем дело с диалектным когнатом, восходящим к реконструируемому пракорню *pel ~ *ре"luđ, связываемый с уральским *pälä 'половина, половинка; сторона' [Nikolaeva 2006: 346; ЭБДЮЯ 2002]. Ср. фин. *piel* (род. *pielen*): *suupieli* 'угол рта' (suu 'рот'), *poskipieli* 'скуча' (poski 'щека'), *pielos*, *pielus* 'край', *pieltää* 'наклоняться в сторону' | саам. норв. *bælle* -æl- ~ *bællē* - æl- ~ -æl- 'сторона; половина (чего-л., разделенного вдоль; одна из пары)' | морд. эрз. *pel'* 'сторона', *pel'e* 'половина, половинка' | чуваш. урж. *pel*, *wel* 'сторона' | удм. сарап. *pal* 'сторона, местность, сторона света; отрезок времени; половина, половинка; один из двух парных предметов (например, глаз, ног, сапог)' | коми. сысол. *rej* 'сторона; один из пары' |

хант. вах. *pełk* ‘половина, сторона’ | манс. тавд. *pāl* ‘половина; сторона’ | венг. *fél* (вин. *felet*) ‘половина, половинка, один из парных членов; близкий, сосед, спутник; сторона’, *feleség* ‘супруга’ || энец. тундр. *fede*; нган. *fealea* ‘половина, родственник’; сельк. тым. *päläk* ‘половина, сторона’ [Rédei 1988: 362]. С данной позицией соглашается А. Аикио, считающий, что заимствованный характер (из самодийского) юкагирского слова подтверждается значением ‘муж’ (< ‘супруг’) в юкагирском, которое в свою очередь является вторичным семантическим развитием от значения ‘половина’. Также отмечает вероятное развитие *e > *ö > u (сначала лабиализация под влиянием *p-, а затем ассимиляция к *u во втором слоге) [Aikio 2014: 54, 73]. Собственно, в юкагирском от данного корня, предполагающего родственника мужского пола, выводится термин, охватывающий несколько родственных связей между братьями и сестрами супружов:

– тю. *pul’iэ, pul’iјэ* ‘зять (муж старшей сестры)’ [Иохельсон 2005: 123; Крейнович 1958: 277]; *pulijэ* ‘муж старшей сестры; муж младшей сестры отца’ [Иохельсон 2005: 124; ЮРС 2001: 397]; *pulije* ‘зять’ [Maslova 2001: 104];

– лю. *pulei* ‘муж старшей сестры (шурин); муж старшей двоюродной сестры первой, второй и т. д. степени (двоюродный шурин); младший брат жены (шурин); младший брат мужа (деверь)’ [Angere 1957: 219]; *pulej* ‘зять’ [Maslova 2003: 552]; *pulэй* ‘зять’ [Иохельсон 2005: 124; СЮОРРО 2002: 64, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 257].

При этом в лесном юкагирском *pulut* демонстрирует более высокую активность в образовании других терминов родства, таких, как:

– лю. *pulut можсуу* ‘жених’, где *можсуу*, по всей вероятности, показатель проспектива *можсии*, указывающий на будущее действие или состояние, связанное с текущими условиями или ситуацией [Крейнович 1958: 67; Maslova 2003: 175], ср. лю. *эмэй можсуу* ‘мачеха’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + PRSP *можсуу*);

– лю. *pulut эмэйги* ‘свекровь’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + POSS.3 -*gi*);

– лю. *pulut эсьиэги ~ pulut эсиэги* ‘свекор’ (где *эсьиэ* ~ *эсиэ* ‘отец’ POSS.3 -*gi*)

[СЮОРРО 2002: 64, 120; ЮРСЯЛЮ 2021: 256–257, 404].

С юкагирским *pэл* ~ *пол* сводится чук. *pэлк’этык* ‘стариться; умирать’, *pэлбэтык* ‘умереть’, имеющий отношение к физиологическим процессам человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653; Fortescue 1998: 149]. Однако дериваты-глаголы в юкагирском имеют иное происхождение.

– тю. *лúgoi* ‘старый’, *лугуму* ‘растить, стареть’ [Иохельсон 2005: 457, 488]; *лугујэ* ‘старый’ [Крейнович 1958: 274]; *лугэ- intr* ‘быть старше’ > *лугуму-* ‘постареть; перен. прожить до старости в какой-л. местности’, *лугумул* ‘старение, старость’, *лугуйэ* ‘старый’, *лугумус-* ‘состарить’ [ЮРС 2001: 214]; *lugu* ‘старый’ > *lugumi-* [Maslova 2001: 100];

– лю. *лигай* ‘старый’, *логдуй* ‘увядший’ [Старчевский 1889: 425–426]; *лигэи* ‘старый’, *лигому* ‘стареть’, *лигэл* ‘старость’ [Иохельсон 2005: 456, 488]; *lorqajla* ‘одряхлеть’ [Спиридовон 2003: 19]; *лигэјэ* ‘старый’, *лигэл* ‘старость; старый’, *лигому-* ‘становиться старым’ > *лугумул* ‘стареть; становиться старым’ [Крейнович 1958: 274, 282]; *лигэмуй* ‘стареть, стариться (о человеке)’, *лигэй* ‘старый’, *лигэйоой-* ‘пожилой’ [СЮОРРО 2002: 37, 175]; *лигэй* ‘быть старым’ > *лигумуй* ‘постареть’ [Maslova 2003: 548]; *лигэ-* ‘быть старым (о возрасте)’ > *лигэйо-* ‘быть пожилым, старым’, *лигэйон* ‘пожилой человек, старики’, *лигэлбэн* ‘пожилой человек, старики’, *лигэму-* ‘постареть’, *лигэмул* ‘старость’, *лигемуши-* ‘состарить’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 144–145].

Этимологические связи для данного корня, имеющего реконструкции *liγe- / *liγe- ~ *liwγe- ‘старый’ [Nikolaeva 2006: 242; ЭБДЮА 2002], пока еще не предложены. Стоит отметить, что в юкагирском, как и в ряде других палеоазиатских языков, существует четкое противопоставление корней со значением ‘стариться’ по признаку одушевленности и неодушевленности, сравните:

– тю. *лугуму-* ~ *лигэму-* ‘стареть (о человеке)’ (см. выше); тю. *чуольшэй-* ‘одряхлеть, обветшать в короткий срок; зачерстветь, залежать (о продуктах)’ [ЮРС 2001: 569]; лю. *чуольэ-* ~ *чуольэ-* ‘старый: долго используемый; старинный, древний; устаревший,

недействительный’ > чуольэму- ‘постареть’, чуольоой- ‘давний; древний’, чэлукай- ‘стареть (о вещи)’ (1 и 2 л. не употр.) [СЮРРЮ 2002: 82–83, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 354];

— чук. ынпэвыйк, энпэвчычек, ынтың нъэлык ‘(по)стареть, состариться (о человеке)’; пэтаң нъэлык ‘стареть, стариться (о вещи)’, пэтылыын ‘старый, ветхий’; пэлк’этык ‘стариться; умирать’, пэлкүэтык ‘умереть’ [ЧРС 1957: 104, 148; РЧС 2020: 600, 653];

— кор. ынпэвыйк ~ ынпавыйк, ынпывтик ‘стареть, стариться (о человеке)’; пэлкэ-тык ‘стареть (о вещи)’ [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556].

В отличие от корякского у чукотского глагола пэлк’этык ‘стариться; умирать’ не задано специализированное значение, связанное с устареванием, износом неодушевленных предметов, но также затрагивающее сферу старения человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653]. Это, видимо, и было одной из причин, почему М. Фортескью при составлении списка камчукотско-уральских когнатов связал чук. *paelqat-* ‘стареть’ и юк. *rōl-ut* ‘(старый) человек’ [Fortescue 1998: 149]. В этом случае следует этимологически разводить лексемы юк. *пэлдүдиэ* ~ *пулундиэ* ‘старик’ и юк. *пэлтур* ~ *пулут* ‘жених; старик; муж’, где первая рефлекс чукотского **pelqet-* ‘стариться (обычно о вещи)’, а вторая — рефлекс прауральского **pälä*. Это также объясняет отсутствие значения ‘супруг’ в лесном юкагирском.

Таким образом, слова, обозначающие пожилых людей разного пола и процесс старения, по сути, имеют различное происхождение. Если лексема тю. *апаналаа* имеет своим первоисточником ЧК ытны (< *эрэ ‘старый’) с метатезой согласных *пн* и эпентезой гласной, то предположительно первичной заимствованной формой было что-то, похожее на алют. ынпывылла ‘бабушка’ (ср. также ынпывыллыгын ‘дедушка’), которым в юкагирском семантически соответствуют тю.-лю. этиэ ‘бабушка’, тю. хай-чиэ, лю. хаахаа ‘дедушка’ [Иохельсон 2005: 120; Мудрак 2000: 163; НРСАД 2019: 127]. При переходе в систему юкагирского языка *апаналаа* сохранило возрастную привязку, обозначая пожилых женщин, находящихся

в определенных родственных отношениях с кем-либо. Как следствие, семантика тю. *апаналаа* включает две семьи, где ядерной является ‘пожилая женщина’, а вторичной — ‘замужняя женщина’ через импликацию социального статуса, что имеет распространение во многих других языках. Собственно термином свойства, обозначающим жену (супругу) в тундровом юкагирском, выступает *мирийэ* ‘жена’, сводимое с эвенским языком [Nikolaeva 2006: 282]. Е. А. Крейнович в своих ранних работах рассматривал данную лексему в контексте юкагирско-самодийских и юкагирско-эвенских параллелей [Крейнович 1958: 236, 249, 274]. Однако в последующих исследованиях при рассмотрении словообразовательных особенностей юкагирских существительных ученый отнес *миријэн* ‘караван нарт с оленями’ к классу субстантивированных причастий, выделив в ее структуре корень *мира-* ‘ходить; шагать’ и аффикс *-йэ*, между которыми «появляется морфема *и*» [Крейнович 1982: 90]. Отметим, что интерпретация форманта *и* как самостоятельной морфемы представляется спорной — в нашем понимании данный элемент скорее функционирует как алломорф конечного звука корня под влиянием следующего за ним аффикса (ср. *тай-аја-* ‘течь’ > *тайајийэ* ‘текущий’, *иг-* ‘быть привязанным’ > *игийэ* ‘ремень, веревка’ и др.) (см. другие примеры в: [Курилов 2003: 117]). В то же время метонимический перенос ‘движение’ > ‘аргиш’ > ‘жена’ отражает глубинные социоструктурные закономерности юкагирского общества, характеризующегося элементами особого социального статуса женщины в хозяйственно-бытовой организации. В итоге перед нами развертывается антропоцентристическая номинативная модель, где значимая деятельность (кочевание) становится основой для обозначения ее ключевого субъекта (жена) через материальный атрибут (аргиш) (см. этнографические справки в: [Иохельсон 2005: 136–150; Туголуков 1979: 118–122]).

Производные формы *мирийэи-* ‘женить’ и *мирийэр-* ‘жениться’, приводимые В. И. Иохельсоном в словарной части монографии «Юкагиры и юкагиризованные тунгусы» [Jochelson 1926; Иохельсон

2005] ошибочно не маркированы соответствующей пометой, указывающей на их принадлежность лесной идиоме. Позднее без проверки они были отражены под пометой лесной идиомы в «Юкагирско-немецком словаре» Й. Ангере [Angere 1957: 159]. При этом тундровому *мирийэ* соответствует лю. *мидосъо* ‘кочевой караван’, для которых И. А. Николаева [Nikolaeva 2006: 282] реконструирует праюкагирский корень *тубо- (ср. *mi^wdi^jə-, *te^wdi^jə- ‘жена, жених, невеста, мачеха’ в [ЭБДЮЯ 2002], что подтверждается параллелями тю. *мира-* ‘ходить; шагать’ ~ лю. *мидо-* ‘кочевать (на большие расстояния); бродить’, тю. *мирал* ‘хождение; походка; след, караванная тропа’ ~ лю. *мидол* ‘расстояние, равное одному переходу с места на место при кочевке; дневной переход, миля’) [Иохельсон 2005: 457; Крейнович 1958: 18, 274; ЮРСЮЛЮ 2021: 163–164; Nikolaeva 2006: 282]. Отсутствие развития семы ‘жена’ отмечается у лю. *мидосъо* в отличие от тю. *мирийэ*, лексема свидетельствует о несколько отличных хозяйствственно-культурных моделях этих двух юкагирских групп. Более интенсивный кочевой образ жизни тундровых юкагиров способствовал выработке в хозяйственной лексике метонимической связи ‘движение’ > ‘аргиш’ > ‘жена’, в то время как полуоседлый образ жизни лесных собратьев сохранил утилитарную семантику без антропоцентрических значений.

Можно предположить об аналогичном семантическом развитии у лексем *апаналаа* и *пэлдуудиэ*, при котором возрастная семантика (старуха, старик) сохранилась, но дополнилась узкоспециализированным значением в контексте супружеских отношений (жена, муж) через метафоризацию, основанную на связи возрастной мудрости и социальной роли (женщина как хранительница очага, мужчина как добытчик и защитник). С другой стороны, полисемантичность *апаналаа* также может быть интерпретирована в рамках компонентного анализа, если в структуре лексемы усматривается корень эпиэ ‘бабушка’, который встречается в обоих юкагирских идиомах (см. выше) и содержит семы ‘старость’

и ‘родственная принадлежность’. В таком случае требуется определение статуса остальных компонентов слова, что, однако, затруднено отсутствием подтвержденных случаев с звуковыми соответствиями и трансформациями.

4. Заключение

Рассматриваемая в данном исследовании лексика, входящая в базовый список идиом тундровых и лесных юкагиров, демонстрирует гетерогенность происхождения, следствия раннего и позднего иноязычного влияния, а также разную степень сохранности исконной лексики. Находившаяся ранее вне этимологических рассуждений лексема тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ обнаруживает надежную параллель в камчукотских языках (ПЮ *apānəla: ~ *apānalaas < ПКЧ *éprə ‘старый’). Наравне с лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ (< рус. старуха), тю. *апаналаа*, вероятно, представляет собой результат позднего заимствования с последующей релексификацией, приведшей к выходу из употребления в данных значениях исконных слов.

Корень *пэл* ~ *пул* (< ПЮ *pel ~ *pe^wlu^b) не совсем верно рассматривать в качестве диалектного когната, поскольку есть основания для этимологического разграничения лексемы юк. *пэлдуудиэ* ~ *пулундиэ* ‘старик’, вероятно, восходящей к ПЧК *pelqet- ‘стариться’, и лексемы юк. *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, считающейся рефлексом ПУ *pälä ‘половина, половинка; сторона’, что также объясняет отсутствие семантики ‘супруг’ в идиоме лесных юкагиров.

В отличие от камчукотских и многих других языков в юкагирском нет слов, обозначающих ‘старуха как пожилая женщина’ и ‘старик как пожилой мужчина’, которые были бы производны от общей корневой морфемы, маркирующей возраст или гендер, таких, как лугэ- ~ лигэ- ‘быть старым’, кэй- ~ куой ‘мужчина’, паай ~ паайпэ ‘женщина’. На почве юкагирского языка *апаналаа*, а также *пэлдуудиэ* развили вторичные значения ‘жена’ и ‘муж’ соответственно в результате семантического сдвига, обусловленного связью между возрастным статусом и социальной ролью в традиции

онном обществе. Аналогичное расширение значения наблюдается в тю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’, а также тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’ (связь через хозяйственную деятельность), что свидетельствует о системном характере этого явления в юкагирской языковой картине мира. Анализируемые в данной статье лексические единицы на основании существующих реконструкций с учетом выводов других исследователей можно стратифицировать на:

(1) вероятные юкагиро-уральские этимологические соответствия (тю. *пэлүр* ‘жених; муж’, лю. *пулут* ‘старик; муж’ < ПЮ **pel* ~ **peʷluð* < ПУ **pälä* ‘половина, половинка; сторона’; тю. *кэйпэ* ‘мужчина; мужская особь’, лю. *куөйпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина; мужская особь’ < ПЮ **köj* ~ **keʷi-ŋ* ‘мужчи-

на, мужская особь’ < ПС **ko(ə)* < ПУ **koj(e)* ‘человек, мужчина’);

(2) поздние камчукотские заимствования (тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ < ЧК *ынны* ‘старый’ < ПЧК **эрпэ* ‘старый’; тю. *пэлдудиэ* ‘старик; муж’, лю. *полундиэ* ‘старик’ < ЧК *пэлб-* ‘стариться’ < ПЧК **pelqet-* ‘стариться (обычно о вещи)’; лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ < рус. старуха);

(3) изолированные, внутренне реконструируемые лексемы (тю. *лүгэ-*, лю. *лигэ-* ‘быть старым’ < ПЮ **liye-* / **luye-* ~ **liʷge-* ‘старый’; тю. *паайпэ* ~ *пайпэ* ‘женщина; женская особь’, лю. *паай* ~ *паайпэ* ‘женщина’ < ПЮ **ra:* / **raj* ~ **rai* ‘женщина, женская особь’; тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’, лю. *мидосьо* ‘кочевой караван’ < ПЮ **тубо-* / **miʷdijə-* ~ **teʷdiu-* ‘шагать’).

Сокращения

алют.	— алюторский
венг.	— венгерский
вин.	— винительный
вок.	— вокатив
ител.	— ительменский
коми.	сысол. — сысольские диалекты коми
кор.	коряцкий
ласк.	ласкательный
лю.	лесной юкагирский
манс.	тавд. — тавдинский диалект мансийского
морд.	эрз. — эрзянский диалект мордовского
ПС	— прасамодийский
ПУ	— прауральский
ПЧ	— прачукотский
ПЧК	— прачукотско-камчатский
ПЭ	— праэскимосский
ПЮ	— праюкагирский
род.	— родительный
рус.	— русский
саам.	норв. — саамский норвежский
сельк.	— селькупский
таймыр.	— таймырский пиджин
тым.	— тымский диалект селькупского языка
тю.	— тундровый юкагирский
удм.	сарап. — сарапульский диалект удмуртского
фин.	— финский
хант.	вах. — ваховский диалект хантыйского
ЧК	— чукотско-камчатский
чуваш.	урж. — уржумский диалект чувашского

чук. — чукотский

энец. тундр. — тундровый диалект энечского
эск. — эскимосский (сибирский)

юк. — юкагирский

В — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные в 1787 г. во время Северо-Западной экспедиции И. И. Билингса и опубликованные в труде М. Зауэра 1802 г. [Nikolaeva 2006]

KD — словарик на языке лесных юкагиров, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

MC — материалы по чуванскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

МО — материалы по омокскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

POSS — possessivnyy

PRSP — проспективный

RS — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные Ф. Райским и Ю. Штубендорфом в 1858 г. и опубликованные в труде А. А. Шифнера 1871 г. [Nikolaeva 2006]

TD — неопубликованный словарик на языке тундровых юкагиров, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

Источники

ЭБДЮЯ 2002 — Этимологическая база данных юкагирского языка (в формате jukaet. dbf) / О. А. Мудрак // Личный архив автора. 2002.

Литература

Акимова и др. 2021 — Акимова В. С., Немировский А. А., Шадрин В. И. Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.). Ч. 1. М.: Директмедиа Паблишинг, 2021. 144 с.

Байтасов 2014 — Байтасов Р. Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014. № 1(19). С. 24–32.

Бурыкин 2003 — Бурыкин А. А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2003. С. 169–180.

Гоголев 2004 — Гоголев А. И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2004. 104 с.

Гребенюк, Федорченко 2018 — Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю. Юкагирская проблема в современных исследованиях // Человек и Север: антропология, археология, экология / ред. А. Н. Багашев. Мат-лы конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Т. 4. Тюмень: Тюменский научный центр (ТНЦ), 2018. С. 331–334.

Гурвич 1966 — Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.

Жукова 1996 — Жукова Л. Н. Одежда юкагиров. Якутск: Якутский край, 1996. 143 с.

Жукова 2003 — Жукова Л. Н. Иноязычные элементы в одежде юкагиров // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII–XXI веках. Якутск: РНМЦ НТ и СКД им. А. Е. Кулаковского, 2003. С. 90–96.

Иохельсон 1900 — Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 151–193.

Sources

Mudrak O. A. (comp.) Yukaghir etymology (database, DBF file). Personal archive of the author. 2002. (In Russ., Eng. and Yuk.)

References

Akimova V. S., Nemirovsky A. A., Shadrin V. I. Ethnic History of the Yukaghir: From Earliest Times to the Twentieth Century. Pt. 1. Moscow, Berlin: Directmedia Publishing, 2021. 144 p. (In Russ.)

Baitasov R. R. Correlation between language families and Y-haplogroups. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. Nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 2014. No. 1(19). Pp. 24–32. (In Russ.)

Burykin A. A. Russian lexical borrowings in Forest (or Upper Kolyma) Yukaghir. In: Popov I. A. (ed.) Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Studies. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 169–180. (In Russ.)

Gogolev A. I. Ethnic History of Yakutia's Peoples before the Twentieth Century. Yakutsk: Yakutsk State University, 2004. 104 p. (In Russ.)

Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu. Yukaghir problem in modern research. In: Bagashev A. N. (ed.) Man and North: Anthropology, Archaeology, Ecology. Conference proceedings (Tyumen, 2–6 April 2018). Tyumen: Tyumen Scientific Centre (SB RAS), 2018. Vol. 4. Pp. 331–334. (In Russ.)

Gurvich I. S. Ethnic History of Northeast Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)

Zhukova L. N. Yukaghir Clothing. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 1996. 143 p. (In Russ.)

Zhukova L. N. Foreign-language elements of Yukaghir clothing. In: Interaction of Yakutia's Cultures, Seventeenth to Twenty First Centuries. Yakutsk: Kulakovskiy Arts and Crafts Center, 2003. Pp. 90–96. (In Russ.)

Jochelson V. I. Roaming tundra clans of the Indigirka-Kolyma interfluve, their ethnic composition, language, household life, wedding and other rites. *Zhivaya starina*. 1900. No. 1–2. Pp. 151–193. (In Russ.)

- Иохельсон 2005 — Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Кирьяк 1993 — Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Крейнович 1958 — Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.; Л.: АН СССР, 1958. 288 с.
- Крейнович 1982 — Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- КРС 1960 — Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 239 с.
- Курилов 2003 — Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Курилова 2014 — Курилова С. Н. Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12(42). Ч. 2. С. 101–105.
- Курилова 2022 — Курилова С. Н. Русская лексика в языке тундровых юкагиров. Новосибирск: Наука, 2022. 256 с.
- Михайлова 2018 — Михайлова Л. П. Системный характер воздействия иностранных языков на русское слово // Северорусские говоры. 2018. № 17. С. 46–58.
- Мочанов, Федосеева 1980 — Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: ЯФ СО РАН, 1980. С. 3–13.
- Мудрак 2000 — Мудрак О. А. Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М.: РГГУ, 2000. С. 133–148.
- Мудрак 2011 — Мудрак О. А. Эскимосский этимологикон. М.: Тезаурус, 2011. 1324 с.
- Jochelson V. I. The Yukaghirs and the Yukaghirized Tungus. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ.)
- Kiryak M. A. Archaeology of Western Chukotka: A Perspective from the Yukaghirs Question. Moscow: Nauka, 1993. 224 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghirs Language. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 288 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghirs Language: Studies and Materials. Leningrad: Nauka, 1982. 304 p. (In Russ.)
- Moll T. A. Koryak-Russian Dictionary. Leningrad: Uchpedgiz, 1960. 239 p. (In Kor. and Russ.)
- Kurilov G. N. Lexicology of Modern Yukaghirs: Lexical Development and Impacts of Yakut. Novosibirsk: Nauka, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Thematic groups of Tunguska lexical borrowings in the North Yukaghirs language. *Philology. Theory & Practice.* 2014. No. 12 (42). Pt. 2. Pp. 101–105. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Russian Loanwords in Tundra Yukaghirs. Novosibirsk: Nauka, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Mikhaylova L. P. System character of impact of foreign languages on the Russian word. *Northern Russian Dialects.* 2018. No. 17. Pp. 46–58. (In Russ.)
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S. A. Archaeological research of Yakutia: Key results. In: Yakutia Rediscovered. Proceedings of the Lena Basin Archaeological Expedition. Yakutsk: SB RAS (Yakutsk Dept.), 1980. Pp. 3–13. (In Russ.)
- Mudrak O. A. Yukaghirs and Nivkhs: The Paleo-Siberian question. In: Starostin S. A., Starostin G. S. (comps.) Problems in Investigating Distant Affinities of Languages at the Turn of the Second Millennium. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. Pp. 133–148. (In Russ.)
- Mudrak O. A. The Eskimo Etymologicum. Moscow: Thesaurus, 2011. 1324 p. (In Esk., Russ., etc.)

- Напольских 1991 — Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». № 5. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, 1991. 189 с.
- Напольских 1999 — Напольских В. В. Преистория уральских народов. // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. № 44 (3–4). С. 413–472.
- Напольских 2018 — Напольских В. В. К проблемам исследования древнейшей предыстории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // *Этнография*. 2018. № 1. С. 119–142.
- Немировский 2017 — Немировский А. А. Новые лингвистические результаты М. А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров // Фольклор палеоазиатских народов: матлы 2-й Межд. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. С. 59–70.
- Николаева 1988 — Николаева И. А. Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
- НРСАД 2017 — Нагаяма Ю., Нутаюлин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 1. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2017. 144 с.
- НРСАД 2019 — Нагаяма Ю., Нутаюлин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 2. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2019. 139 с.
- Перцев 2024 — Перцев Д. М. Юкагиры: язык и генетика. Взгляд из-за рубежа // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2024. № 46. С. 54–64.
- РКС 1967 — Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 749 с.
- РЧС 2020 — Ранаврольтын Г. И. Русско-чукотский словарь. Анадырь, СПб.: Алмаз-Граф, 2020. 704 с.
- Napolskikh V. V. Most Ancient Stages of the Uralic Ethnogenesis: Evidence from Mythological Reconstructions. Insights into the Proto-Uralic Cosmogonic Myth (Peoples of the Soviet Union 5). Moscow: Institute of Social Science Information (USSR Acad. of Sc.), 1991. 189 p. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. Prehistory of Uralic peoples. *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. Vol. 44. No. 3–4. Pp. 413–472. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. On the problem of studying the most ancient prehistory of Northern Eurasia (Nostratic macrofamily of languages). *Etnografia*. 2018. No. 1. Pp. 119–142. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-119-142
- Nemirovsky A. A. New linguistic results of M. Zhivlov and confirmation of Ymyakhtakh connections for (proto)Yukaghirs. In: Alekseev A. N. et al. (eds.) Folklore of Paleo-Siberians. Conference proceedings (Yakutsk, 21–25 November 2016). Yakutsk: Yakutia Media Holding, 2017. Pp. 59–70. (In Russ.)
- Nikolaeva I. A. The Problem of Uralic-Yukaghir Genetic Affinities. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)
- Nagayama Y., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 1. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2017. 144 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 2. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2019. 139 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Pertsev D. M. Yukaghirs: Language and genetics. A view from abroad. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2024. No. 46. Pp. 54–64. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-5960-2024-46-54-64
- Zhukova A. N. Russian-Koryak Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967. 749 p. (In Russ. and Kor.)
- Ranavroltyn G. I. Russian-Chukchi Dictionary. Anadyr, St. Petersburg: Almaz-Graf, 2020. 704 p. (In Russ. and Chuk.)

- Симченко 1975 — Симченко Ю. Б. Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 148–185.
- Симченко 1976 — Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.
- СИРРИ 1989 — Володин А. П., Халоимова К. Н. Словарь ительменско-русский и русско-ительменский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд., 1989. 255 с.
- Скорик 1961 — Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Фонетика и морфология именных частей речи. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1961. 450 с.
- Спиридовон 2003 — Спиридовон Н. И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2003. 57 с.
- Старчевский 1889 — Старчевский А. В. Проводник и переводчик по отдаленным окраинам России, заключающий в себе 44 языка... (По каждому языку от 1 000 по 2 000 и более слов, по 300 разговорных фраз и граммат. очерк). Т. 2. СПб.: [б. и.], 1889. 646 с.
- СЮОРРИ 2002 — Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.
- Туголуков 1979 — Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
- Чернецов 1964 — Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 30–52.
- Чернецов 1971 — Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала / отв.ред. О. Н. Бадер. Ч. 2. М.: Наука, 1971. 120 с.
- ЧРС 1957 — Молл Т. А., Иненликея П. И. Чукотско-русский словарь. Л.: ГУПИ МП РСФСР ЛО, 1957. 195 с.
- ЧРС 2003 — Рахтилин В. Г. Чукотско-русский словарь. СПб.: Просвещение, 2003. 126 с.
- Шадрин 2008 — Шадрин В.И. Современные концепции этногенеза юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 197–205.
- Simchenko Yu .B. Ancient ethnic history of the Arctic Circle and adjacent regions of Eurasia: Some issues revisited. In: Ethnogenesis and Ethnic Histories of the North, Moscow, 1975. Pp. 148–185. (In Russ.)
- Simchenko Yu .B. The Culture of North Eurasian Deer Hunters. Moscow: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ.)
- Volodin A. P., Khaloimova K. N. Itelmen-Russian and Russian-Itelmen Dictionary. Leningrad: Prosveshchenie, 1989. 255 p. (In Itel. and Russ.)
- Skorik P. Ya. Chukchi Grammar: Phonetics and Morphology of Nominal Parts of Speech. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. 450 p. (In Russ.)
- Spiridonov N. I. Yukaghir-Russian Dictionary. Even-Russian Dictionary. Yakutsk: Yakutsk State University, 2003. 57 p. (In Yuk., Russ., etc.)
- Starchevsky A. V. The Guide and Translator to Remote Parts of Russia Containing [Data on] Forty Four Languages ... (From 1,000 to 2,000 Word Entries, 300 Set Phrases, and a Grammar Sketch for Each Language). Vol. 2. St. Petersburg: A. Pozharova, 1889. 646 p. (In Sámi, Russ., etc.)
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir Dictionary. St. Petersburg: Drofa, 2002. 224 p. (In Yuk. and Russ.)
- Tugolukov V. A. Who Are You, Yukaghirs? Moscow: Nauka, 1979. 152 p. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. More on the ethnic substrate in circumpolar culture. In: Proceedings of the Seventh International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, 1964. Pp. 30–52. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. Petroglyphs of the Urals. O. Bader (ed.). Moscow, 1971. Pt. 2. 120 p. (In Russ.)
- Moll T. A., Inenlikey P. I. Chukchi-Russian Dictionary. Leningrad: Chief Printing and Publishing Directorate, 1957. 195 p. (In Russ.)
- Raktilin V. G. Chukchi-Russian Dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2003. 126 p. (In Chuk. and Russ.)
- Shadrin V. I. Contemporary concepts of Yukaghir ethnogenesis. In: North Asia in Ethnocultural Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005). Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 197–205. (In Russ.)

- Эверстов 2008 — Эверстов С. И. Некоторые параллели в культурах древних ымыях-тахцев и юкагиров XVII–XIX вв. (в свете археологических открытий на нижней Индигирке) // Север Азии в этнокультурных исследованиях: Мат-лы конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 223–230.
- Эверстов 2017 — Эверстов С. И. Сугуннахская археологическая культура на Индигирке (в связи с проблемой этногенеза юкагиров) // Общество. Культура. Образование. 2017. № 3. С. 133–159.
- ЭРС 1971 — Рубцова Е. С. Эскимосско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971. 644 с.
- Этногенез народов Севера 1980 — Этногенез народов Севера: сб. ст. / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 281 с.
- ЮОРС 2001 — Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- ЮОРСЯЛЮ 2021 — Прокопьев П. Е., Прокопьев А. Е.. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Aikio 2014 — Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or change resemblance? // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76.
- Angere 1957 — Angere J. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm, Almqvist & Wiksell, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p.
- Collinder 1965 — Collinder B. An introduction to the Uralic languages. Berkeley & Los Angeles: University of California Press Publ., 1965. 182 p.
- Fedorova et al. 2013 — Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Roots S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsky M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villemans R.. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia // BMC Evolutionary Biology. 2013. № 13. Pp. 2–18.
- Everstov S. I. On some parallels between Ymyyakhtakh culture and that of the seventeenth-nineteenth century Yukaghirs: A perspective from archaeological discoveries in the Lower Indigirka. In: North Asia in Ethnocultural Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005). Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 223–230. (In Russ.)
- Everstov S. I. Sugunnakh culture of the Indigirka Basin in relation to Yukaghirs ethnogenesis. In: Starostin V. P. (ed.) Society. Culture. Education. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Natural History, 2017. Pp. 133–159. (In Russ.)
- Rubtsova E. S. Eskimo-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1971. 644 p. (In Esk. and Russ.)
- Gurvich I. S. (ed.) Peoples of the North: Ethnogenesis. Moscow: Nauka, 1980. 281 p. (In Russ.)
- Kurilov G. N. Yukaghirs-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (In Yuk. and Russ.)
- Prokopyeva P. E., Prokopyeva A. E. [Forest] Yukaghirs-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2021. 412 p. (In Yuk. and Russ.)
- Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: Genetic inheritance, language contact or change resemblance? *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76. (In Eng.)
- Angere J. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm: Almqvist & Wiksell; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p. (In Yuk. and Germ.)
- Collinder B. An Introduction to the Uralic Languages. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1965. 182 p. (In Eng.)
- Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Roots S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsky M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villemans R.. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): Implications for the peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology*. 2013. No. 13. Pp. 2–18. (In Eng.)

- Fortesque 1998 — Fortesque M. Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence. London; New York: Cassell, 1998. 307 p.
- Häkkinen 2012 — Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghirs // Per Urales ad Orientem: Iter Polyphonicum Multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264). 2012. Pp. 227–250.
- Jochelson 1926 — Jochelson W. I. The Yukaghirs and the Yukaghirsized Tungus. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 9. New York: G. E. Stechert, 1926. 469 p.
- Malyarchuk et al. 2011 — Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I. Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a // Journal of Human Genetics. 2011. Vol. 56. Pp. 583–588.
- Maslova 2001 — Maslova E. Yukaghirs Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p.
- Maslova 2003 — Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghirs. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 610 p.
- Nikolaeva 2006 — Nikolaeva I. A. A historical dictionary of Yukaghirs. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.
- Paasonen 1907 — Paasonen H. On the question of the original relationship between Finno-Ugric and Indo-European languages [Zur Frage von der Urverwandtschaft der Finnisch-Ugrischen und Indoeuropäischen Sprachen] // Finnisch-Ugrischen Forschungen. 1907. № 17. Pp. 13–31.
- Piispanen 2018 — Piispanen P.S. Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghirs // Turkic Languages. 2018. № 22. Pp. 108–138.
- Rédei 1988 — Rédei K. History of the Permic languages [Geschichte der Permischen Sprachen] // The Uralic languages. Description, history and foreign influences. 1988. Pp. 351–394.
- Fortesque M. Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archeological and Linguistic Evidence. London, New York: Cassell, 1998. 307 p. (In Eng.)
- Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghirs. In: Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264). Helsinki, 2012. Pp. 91–101. (In Eng.)
- Jochelson W. I. The Yukaghirs and the Yukaghirsized Tungus (Memoirs of the American Museum of Natural History 9). New York: G. Stechert, 1926. XVI, 469 p. (In Eng.)
- Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I. Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a. *Journal of Human Genetics*. 2011. No. 56. Pp. 583–588. (In Eng.)
- Maslova E. Yukaghirs Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p. (In Yuk. and Eng.)
- Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghirs. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2003. 610 p. (In Eng.)
- Nikolaeva I. A. A Historical Dictionary of Yukaghirs. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2006. 500 p. (In Eng. and Yuk.)
- Paasonen H. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907. No. 17. Pp. 13–31. (In Germ.)
- Piispanen P. S. Additional Turkic and Tungusic borrowings into Yukaghirs. *Turkic Languages*. 2018. No. 22. Pp. 108–138. (In Eng.)
- Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. In: Sinor D. (ed.) *The Uralic languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden, New York: Brill, 1988. Pp. 351–394. (In Germ.)

Tailleur 1959 — *Tailleur O. G.* In defense of Yuk-aghir, the eastern branch of the Uralic family [Plaidoyer pour le Youkaghir, Branche Orientale de la Famille Ouralienne] // *Lingua*. 1959. № 6. Pp. 403–432.

Tailleur O. G. Plaidoyer pour le youkaghir, branche orientale de la famille uralienne. *Lingua*. 1959. No. 6. Pp. 403–423. (In Fr.)

